

Валентин Проталин

**ШЕСТЬ
ВЕНКОВ СОНЕТОВ**

Москва
Издательство «БПП»
2010

ПОЗДНИЙ ВЕНОК

1

Прощай, моя поэзия, прощай!
Хотя я допускаю и такое,
что это мне не принесет покоя.
Но поздними лучами не прельщай.

Ты память о себе мне завещаю,
чтоб не слюбился с правдою мирскою.
Однако есть в ней и свои устои,
и ты меня от них не защищай.

И пусть взывает журавлиный миг,
чтоб я щекою к призраку приник.
От вспышки света выступают слезы...

Опомнишься — и снова мир пустой.
Гром вьется над иною высотой.
С вершины лет мне слышатся угрозы.

2

С вершины лет мне слышатся угрозы.
С вершины лет... Но, как и прежде, мал
мой дух, который мудрости внимал,
не относя к себе ее прогнозы.

И трезвости убийственная доза,
войдя в него, свалила наповал.
Чинишь ты, словно пьяница, скандал...

В мозгу засел луч света, как заноза.

Измеренная пылкость чувств и слов.
Слеза девичья — не велик улов.
Твое волненье обернулось позой.

Ты видишь время по чужим часам
и угодишь, не замечая сам,
опять в силки, расставленные прозой.

3

Опять в силки, расставленные прозой,
попался мой очередной порыв.
В душе все закоулки перерыв,
я отыскал под спудом слово «роза»...

Волнения кудрявая береза,
пленительного шелеста полна.
Но поздних чувств внезапная волна
уймет ли память, на манер наркоза?

И я себе, а не тебе поверю,
что боль пройдет... Страшны ли мне
потери?
Не надо, за меня не отвечай.

Ты здесь чиста, а как же быть со мною...
И снова в положение смешное
я попадаю, словно невзначай.

4

Я попадаю, словно невзначай,
в порочный круг... О, вечная морока
быть для себя подобием пророка
недоброго... Но, что ни отвечай,

чем результат пророчеств ни встречай,
в смирение, как известно, мало прока,
но также бунт бессилен против рока.
А середина? Что же, отмечай

наличие печального успеха.
Тебе я отвечаю, словно эхо
твоих же чувств... Ты их не расточай.

Ты, наши судьбы лишь собой связуя,
играешь роль свою, а я чужую.
Свиданий лучше мне не назначай.

5

Свиданий лучше мне не назначай,
себя, как к алтарю, неся к подножью
истертых слов, произнесенных с дрожью.
И чем порыв свой ни обозначай,

Сиянием каким не облучай —
и он со мною рядом станет ложью.
Судить меня за это — дело божье,
но и вины моей не отягчай.

Устав, услады безмятежно спят,
и огорчений доставляет спад
не более привычного невроза.

Да и потом, себя распотроша,
следы всех благ перебрала душа.
Другому пусть венки сплетают лозы.

6

Другому пусть венки сплетают лозы.
Меня же, будь разумней, не тревожь.
И душу как волненьем ни стреножь,
но свежести не оставляют грозы.

И мне — уж такова метаморфоза, —
вдали от романтических костров,
в предчувствии возможных катастроф,
присуща осторожность бензовоза.

Я к будням не привыкну — ты однажды
разбудишь притаившуюся жажду.
Меня на муки эти не венчай.

Влюбленность мимолетная лукава.
Да и какое у тебя есть право,
цветок, мне медью брошенный на чай.

7

Цветок, мне медью брошенный на чай...
И вновь душа — как будто парус в бурю,
порыв моей неистребимой дури.
Ты вызвала ее, так выручай.

Со всем, что не случилось, обручай.
И если только служишь почтальоном
не встретившихся на земле влюбленных,
то и тогда хотя бы весть вручай...

В мою ты душуходишь, как в жильё,
не занятое, но и не твое,
полуреальна и не полугреза.

Не исцелишь — уйми хотя бы боль...
Но ты, чтоб я играл чужую роль,
вбежишь, свежа, как с легкого мороза.

8

Вбежишь, свежа, как с легкого мороза.
Послушен я — наверно, ты права,
раз медленно кружится голова.
В такой момент я не беднее Креза.

И на богатство ты мое похожа,
пока в потемках светятся слова,
пока нам все на свете трын-трава.
Как ценность, ты нашла себе завхоза.

Мы выбываем из машинной, пешей
и прочей жизни на момент... Хоть вешай
табличку, что ушли на перерыв.

И ты еще хмельнее быть могла бы,
а я трезвей, однако, смертный слабый.
не в силах я опять сдержать порыв.

9

Не в силах я опять сдержать порыв.
Но гаснет чувств дешевая подсветка —
душа очнулась птицею под сеткой.
Ей миг освобожденья подарив,

растаял случай, и она, остыв,
закрылась шалью крыл — чем не наседка.
Осталась песня высоко на ветке.
А ты расхожий повторяй мотив.

Но волю дай — в смятении великом
душа внезапно изойдетсся криком,
вдруг обнаружив, как глубок обрыв.

Замкнись в себе, не выходя из круга...
Но вот проходит оторопь испуга —
душа слабеет, всю себя раскрыв.

10

Душа слабеет, всю себя раскрыв...
Романс эпохи-работяги — пара,
и ты, моя душа, ну, чем не пара.
Сошлись бы вы, практичный ум смутив.

Эй, прогрустите миру свой мотив.
Пусть искоса посвечивают фары,
и всхлип струну утратившей гитары
прервется, грусть былую уловив.

Вздохнет гитара, и поймет она,
что мучится седьмая в ней струна,
как ноет у седого ветерана

потерянная на войне рука.
А что душа? Как эта грусть горька,
ей станет ясно — поздно или рано.

11

Ей станет ясно — поздно или рано,
что время пред собой держать ответ,
что прошлому не побежишь вослед.
Как ни стремись отчаянно и рьяно,

а греза дальше, чем звезда экрана
заманчивых, но миновавших лет.
Чем опьяниться, пусть себе во вред?
Не пить же только воду из-под крана.

Но с каждым разом тяжелей похмелье.
А если жажда станет только целью,
то дальше будет просто жаль вина.

Простительный самообман наруша,
как убедить взыскующую душу,
что путаница вечная она.

12

Что путаница вечная она...
А жизнь свои достраивает стены.
Внутри осталось место и для сцены —
играй, как и в былые времена.

Пусть будет декорацией луна.
Разыгрывай и верность, и измены.
Все к истине сведется постепенно,
что сцена эта — на манер окна.

Внизу под нею жизнь проходит мимо,
не слыша слов, не видя пантомимы.
Стараясь, а какова цена?

Скорей всего откликнется лишь случай.
И вновь душа, искавшая созвучий,
заблудшим чувством будет сметена.

Как выйдет, ничего не выбирая,
я заново всю жизнь переиграю —
но в тишине, без твоего плаща.

Объятая неуловимым светом,
загадочная родина поэта,
прощай, моя поэзия, прощай!

15

Прощай, моя поэзия, прощай!
С вершины лет мне слышатся угрозы.
Опять в силки, расставленные прозой,
я попадаю, словно невзначай.

Свиданий лучше мне не назначай.
Другому пусть венки сплетают лозы.
Цветок, мне медью брошенный на чай,
вбежишь, свежа, как с легкого мороза.

Не в силах я опять сдержать порыв.
Душа слабеет, всю себя раскрыв.
Ей станет ясно — поздно или рано,

что, путаница вечная она,
заблудшим чувством будет сметена...
Все медленнее заживают раны.

ВОСТОЧНЫЙ ВЕНОК

1

Передвижений сладкая морока.
И тот же ты, и все-таки иной.
Что впереди, и то, что за спиной,
пускай в сторонке подождет до срока.

Что там, не вижу, в памяти далекой?
Мир вновь не черно-белый, а цветной.
Пахнуло позабытою весной.
Теперь тебе, и вправду, одиноко.

И если мысль случайно забредет
в тот черно-белый мир твоих забот,
то дверью ошибается она.

Зовет Восток, как древняя сирена.
Недвижна под крылом морская пена.
Я слышать рад: аэропорт Бина.

2

Я слышать рад: аэропорт Бина.
Я оторвался вместе с самолетом
от той земли... Земли, политой потом
от страхов, что счастливою она

не сможет быть, что велика цена
стремлению к неведомым высотам,
где меду не хватает грешным сотам

моей души, а горечи — сполна...

И в этот раз, верна своим заботам,
отстала за последним поворотом...
И вспомнила душа, что влюблена.

Пусть не совсем взаимно. Но недаром
мотивом и медлительным и старым
душа моя опять привлечена.

3

Душа моя опять привлечена
медлительным цветением граната,
лозой, на рейках бережно распятой,
чтоб выстрадала терпкий вкус вина.

Зовет ее иная старина,
что в вечность перешла еще когда-то.
Другим принадлежало, значит — свято.
А нам свое отмерено сполна:

и дней, что кем-то скупно сочтены,
и доли от сияния луны,
земли и неба с синей поволокой.

У этих вечных, голубых ворот
ты с мудрою усмешкой в оборот
взята слабостью и силою Востока.

4

И слабостью и силою Востока
в тени ветвей расставятся столы,
где всем своей достанет похвалы.
Не похвалить... Не то, чтобы жестоко —

не принято. Словесного потока,
который мудро сгладит все углы,
всем хватит... Нет приятней кабалы,
бесстрастен щедрый перст хмельного сока.

Но речь страстна... Кто б ни был за столом,
он — полубог, и все в его былом
разумно, гармонично и высоко.

И правда есть в невольной этой лжи.
А ты, мой разум, молча лежи,
закрой свое недремлющее око.

5

Закрой свое недремлющее око,
как будто твое дело — сторона.
Ведь смотрит и не сердится луна,
А ты... Чуть что — ты затеваешь склоку.

Лежи себе, пока не гонят, сбоку.
Не мельтеши, как некий сатана.
Не всякая ко времени струна.
Ты нечто знаешь — много ль в этом проку?

Я тоже знаю... Жизнь меня учила.
Но в заблужденьи есть не меньше силы.
Душа во все на свете влюблена.

Хоть глупо — к самому себе ревную
сейчас я эту красоту земную.
Ворчливый разум, рухнула стена.

6

Ворчливый разум, рухнула стена,
и не на чем теперь держаться тени.
Пусть радость мне садится на колени.
Я праздную, как целая страна,

что от неволи освобождена
и позабыла о недавнем плене.
И чист мой пыл — здесь дело не в измене.
И ждет меня за далью не жена,

но женщина, мое земное чудо.
Ее дыханье слышу я отсюда,
как будто я не сплю, а спит она.

Да, сбудутся дары застольной речи.
Быть может, в предвкушеньи с нею встречи
здесь радости напьюсь я допьяна.

7

Здесь радости напьюсь я допьяна.
Цеди мне, виноград, живую влагу.
Кто хочет — отдаю перо, бумагу.
Мне встряска эта добрая нужна.

И память о покинутой нежна.
Какое это истинное благо,
когда не стыдно, если чувство наго
и страсть блуждать во тьме побеждена.

Ты от былой усталости далек.
И светит неостывший уголек:
дохни — и вспыхнет все в мгновенье ока.

Пусть отлежится муть на самом дне.
Как хочет отпылать в своем огне
дорвавшийся до самого истока...

8

Дорвавшийся до самого истока...
Ты, разум, говоришь: неверный шаг.
И головой киваешь, как ишак:
мол, так бы можно, только не с наскока.

Но о себе не вызубрить урока,
где сказано, куда ступить и как.
Ужель не знаешь: мыслить натошак —
подобно подчиненью воле рока.

Я в мудрость верю, но не так глубоко,
чтоб душу заложить ей ненароком.
Мне ведома еще иная суть.

Душа мудрей решает мимоходом.
Я радости с ее запретным плодом
вкушу, а там — проснемся как-нибудь.

9

Вкушу, а там — проснемся как-нибудь.
Я многое о пробужденье знаю.
Засердится страна моя лесная.
Засветится сюда приведший путь.

И ветерок с Хазара будет дуть,
следы, что хмель засыпал, расчищая,
ворча: опять работай. Но прощая,
и будто понимая, в чем тут суть.

Забьется память пойманною птицей
и высветит мне дорогие лица,
и вдруг стеснит далекий образ грудь.

Но все-таки печаль моя проспится,
и многое за это мне простится.
Позволь-ка мне свечу твою задуть.

10

Позволь-ка мне свечу твою задуть.
Ты слишком зорек — надо быть попроще.
Шуми со мной, березовая роща,
и где сейчас мы на момент забудь.

Потом шепнешь любимой что-нибудь.
Шумели вместе — вместе виноваты.
А потому и помоги, как брату.
Утешь ее... Возьми приври чуть-чуть.

Задумавшийся, хоть и солнцу люб,
здесь виноград с беседки свесил чуб...
Пошли отсюда ей свою бересту.

Она письмо такое разберет.
А я, ее припомнив в свой черед,
сегодня посижу при свете тоста.

11

Сегодня посижу при свете тоста,
как прежде здесь сидел певец иной.
И небо Шувелян с голубизной
Полуседой, как арка над помостом,

вздымалось... Легкий ветер, что принес ты
из той поры? Что вьешься надо мной?
Что ни нашепчешь — все обман сплошной,
коль не на сто, тогда на девяносто...

И я не тот, да и пора иная,
и землю я иначе вспоминаю,
и быть люблю с собой наедине.

Но слабость есть в натуре человеческой.
Ей сладостен азарт застольной речи.
Как было прежде, похвала в цене.

12

Как было прежде, похвала в цене...
Не странно ли — я все вожу с собою:
и небо так по-русски голубое,
и месяц зим заснеженных при мне,

он, как кинжал у горца на ремне,
судьбу, и все, не ставшее судьбою,
и прихоть, и желание любое,
запрятанное где-то в глубине.

Но только без нее быть не умею,
я—без любимой, если я не с нею,
и к памяти притиснут, как к стене.

О чем я только?.. Жаловаться рано.
Не трогать бы невидимую рану...
Друзья, поговорите обо мне.

Друзья, поговорите обо мне,
развеселите душу добрым словом,
и все предстанет радостным и новым,
я окажусь на лучшей стороне,

где только свет, сияющий вдвойне,
поскольку тени нет под этим кровом.
И ты — рыбак, гордящийся уловом,
в такой добротной жизненной броне
удач, достоинств... Жизнь идет не зря.
Ты близок всем... Иначе говоря,
сомнением, как щетиной, не оброс ты.

И взгляду восхищенный вторит взгляд.
Давайте осчастливим всех подряд.
И пусть все будет празднично и просто.

И пусть все будет празднично и просто.
Средь шума посидим, как в тишине.
Корабль друзей, отдавшихся волне
под пение веселого норд-оста.

Сними свой груз, который долго нес ты.
Все — для души, замкнувшейся во мне.
Пусть отдохнет со всеми наравне
во благо и для продолженья роста.

И встреча, как подарок, дорога.
И скроются земные берега,
И вынесет нас на простор широкий.

Открыто рассуждая о своем,
Не замечая времени, плывем.
Передвижений сладкая морока...

15

Передвижений сладкая морока.
Я слышать рад: аэропорт Бина.
Душа моя опять привлечена
и слабостью и силою Востока.

Закрой свое недремлющее око,
ворчливый разум, — рухнула стена.
Здесь радости напьюсь я допьяна,
дорвавшийся до самого истока.

Вкушу, а там — проснемся как-нибудь.
Позволь-ка мне свечу твою задуть.
Сегодня посижу при свете тоста.

Как было прежде, похвала в цене.
Друзья поговорите обо мне.
И пусть все будет празднично и просто.

ТРЕТИЙ ВЕНОК

1.

Любовь, тебя я пробую понять.
И говорю, как, сатане: "Изыди!"
На что глядеть: я – в затрапезном виде.
Лист фиговый мне б у тебя занять...

Я кое-что хотел бы заровнять
На спятившей в любви моей планиде.
Нельзя ли прозревать и ненавидя?
Неужто только знаки поменять?

Как маятник, до гробовой доски
Болтаться от надежды до тоски.
И вот сейчас застрять посередине.

Что от тебя останется во мне,
Позволь, переберу наедине.
Все это – не такая уж гордыня.

2.

Ведь это не такая уж гордыня...
Смотрю, себя переходящий вброд:
Сажал цветник, а вышел огород,
И, как свинья, лежит на грядке дыня.

.
Что со страстями вечно молодыми?..
Цветок любви, спустившийся с небес,
Земли едва коснется, и – исчез.
Пусть был огонь, но речь идет о дыме.

Жизнь стелется, далёкая под ним.
Искатель, не боишься быть смешным
Со всеми треволненьями своими?

Поддаться затянувшейся игре,
Блуждая по желанной конуре,
Легко, привыкнув, повторять: «Во имя!»

3.

Легко, привыкнув, повторять: "Во имя!"
Мечта прекрасна, как небесный свод.
И он не только дышит – он живет
Меж звезд... Мы тоже выросли под ними.

Почувствовать их отзвуки родными
И сделаться чужим клочку земли.
Дни дальше в русле жизни потекли,
А ты застыл в дурацкой пантомиме.

Ты, словно некий царь, лишенный власти.
Всем явленной и столь высокой страсти,
Такой понятной снова не понять.

Кто гасит эти звезды в нас, ревнуя?..
Здесь свой, я принимаю жизнь земную,
Но надо же и голову поднять.

4.

Но надо же и голову поднять
От женского загадочного лика
К рисункам неба, где пустынно, дико
Для глаз земных, где чопорная знать

Светил о нас и не желает знать,
Не надо ей... Но, может, лишь до срока?
Ах, этих глаз земная поволока!
Попробуй у нее меня отнять.

Расплавленный, охваченный всецело
И сладостью, и жарким зовом тела...
Вот выбрался... И над тобой опять

Простор небес – пустынная дорога.
И чем тогда, скажите, ради бога,
Рожденному пустоты заполнять?

5.

Рожденному пустоты заполнять
Тем, что тебя поставит над тобою...
Ты волен это объяснять судьбою,
А можешь и никак не объяснять.

Известное не трудно приподнять.
А там что манит, снова беспокоя?
Живешь и все: занятие такое,
В суть не вдаваясь, проще перенять?

Взрослеем мы, а жизнь – всегда дитя.
Вне разума... Сердась или грустя,
Имей в виду и это... Даже в гриме

Мы – на подмостках изначальных сил.
Ты прав, раз в мир брожение вносил
Пусть даже обольщеньями своими.

6

Пусть даже обольщеньями своими...
Раскрыв себя, не избежать вреда.
Жизнь вдруг предстанет терпкой, как страда.
Вы – гость иллюзий? Оставайтесь с ними.

И слейтесь с упованиями благими.
Когда-нибудь порыв таких утех,
В грядущих днях, охватит сразу всех.
И вправду станут истины простыми.

Порыв души, что вспыхнул и пропал –
Прообраз золотых первоначал.
Не вечно будут зеркала кривыми.

Вот вы едины в чувствах, и сейчас,
Экстазу вторя, именно для вас
Мир благом наливается, как вымя.

7.

Мир благом наливается, как вымя,
И прах с величием объединены.
Бессмертные познали вкус вины.
За акт творенья, и не роковыми

Становятся поступки, каковыми
Всегда являлись; и не со спины
Былое узнается. Мы верны
Самим себе. Как по огню босыми

Ступаем... Вечность эта миг лишь длится.
Опять земные различимы лица,
Как в зеркале... Что на него пенять.

В какой-то миг рукой коснешься света.
И что еще ? Любовь, доступно это
Для тех, кто свой удел готов принять.

8.

Для тех, кто свой удел готов принять,
Творенье – есть преображение слова.
И слушать сотворенное готово,
Чтоб вновь за глухоту себе пенять.

И звуки, словно призрак, отгонять.
Порочна дева... Но, – я много хуже.
Небесный отблеск для земного мужа?
Но как ему потом его унять...

Сгорит, не вспомнив, где же это пламя
Он видел? Что всегда владеет нами?
И чьи во тьме смыкаются уста?

Откуда веет то теплом, то холодом?
Что скрыто за отсутствующим взглядом?
Забывчивость – врожденная черта.

9

Забывчивость – врожденная черта.
То лучше помнишь, что для нас не сбылось.
Не жалею: горелось и любилось.
И все это, конечно, неспроста.

Влюбиться и – занять свои места.
Но нечто беспокоящее снилось.
Благая мысль забрезжила, но сбилась.
И вообще – разумна красота?

С чем ни столкнешься – в снах ты одинок.
Кто, в них попав, сам выбраться бы смог?
Все то, что в нас запрято, откуда?

Красноречиво светится звезда,
Мне луч бросая, словно в никуда.
И остается уповать на чудо.

10

И остается уповать на чудо.
Ты не настолько с женщиной един,
Чтоб истинное из ее глубин
Поднять и мир преобразить... Откуда

И что берется? Крикнуть: не забуду?
А что ты не забудешь? Назови.
Что видишь ты в явлении любви?
И сам-то ты пришел сюда откуда?

Вот женщина, и в ней – не замечал? –
Священные начала всех начал.
А в том числе – и своеволье блуда.

Чудесное нам вызвать не дано.
Как в пропасти, запрято оно.
Вся наша неурстроенность отсюда...

11

Вся наша неурстроенность отсюда.
А пропасть по краям обожжена.
Войдет ли в мир великая жена,
Когда с ней рядом этакий зануда.

Вглядись в себя – наброски да этюды.
Не внявший тьме достоин ли утра?
Ценители, а не творцы добра.
Кисть отложи, несбывшийся покуда.

В рай станем звать - то непременно грубо.
Кипит нутро – лишь истинное любо?
Благая весть на наш манер проста.

И тянешь на себя конец набата.
И в этом опьяненьи видишь брата.
Величье оmyвает суета.

12

Величье оmyвает суета.
Вот вынырнешь хотя бы на мгновенье:
Звучат сирены – колдовское пенье.
Чей образ вспыхнет, яркий, как мечта?

И все прощает чья-то доброта...
За что же, за дурное поведенье?
Ты дразнишься, прекрасное виденье.
Ах, это не последняя черта...

И что-то там еще поет в груди,
И что-то ждет скитальца впереди.
Довольно, остановимся на этом.

Душа замрет, но ей смешно самой,
Хоть и взлетит незримою сумой
И смутюю наполненной, как светом.

13

И смутю наполненной, как светом,
Ей не нужны ни сроки, ни пути.
Достаточно в самой себе взойти,
Чтоб все заполнить в мирозданьи этом.

Вот что с великим связано запретом.
Вот где соблазн... Дано и не дано.
Всесветное... Зачем во мне оно?
Затем, что выйду в мир иной, и где там

И что смогу, случайный сумасброд,
Ушедший на свободу из свобод.
И внять такому по земным приметам

Поможет в тесноте земного сна
Лишь всполох чувств, любовь, она одна?..
Душе безумца не помочь советом.

14

Душе безумца не помочь советом.
Раскрыты, словно книги, небеса,
Земной простор и вся его краса.
Смотри — дома. Что думаешь об этом.

Чей город станет новым Назаретом,
Чтоб быть потом заметным городком.
Кто я такой и думаю о ком,

Не связанный с самим собой обетом.

Вот женщина — к первоначалам света
Ей ближе и... Я ощущаю где-то:
Над нею ничего нельзя менять.

Кем быть мне здесь, сейчас, и кем я буду,
Необходимый для иного чуда.
Любовь, тебя я пробую понять.

15.¹

Любовь, тебя я пробую понять.
Ведь это не такая уж гордыня.
Легко привыкнув, повторять: “Во имя!”
Но надо же и голову поднять.

Рожденному пустоты заполнять
Пусть даже обольщеньями своими.
Мир благом наливается, как вымя,
Для тех, кто свой удел готов принять.

Забывчивость — врожденная черта.
И остается уповать на чудо.

¹ 14-й, сонет из “ТРЕТЬЕГО ВЕНКА” взят из черновой тетради, где работался 2-й том ТЕЗЕЯ.

15 СОНЕТ — ПО ПЕРВЫМ СТРОКАМ 14-ти
СОНЕТОВ С УЧЕТОМ ДАВНЕГО ВАЛИНОГО ЧЕРНОВОГО НАБРОСКА: ВАЛИН
МАШИНОПИСНЫЙ ЭКЗ. — В ТОЙ ЖЕ ЕГО ДЕРМАТИНОВОЙ ТЕТРАДИ
(ЧЕРНОЙ), ГДЕ РАБОТАЛСЯ 2-ой ТОМ ТЕЗЕЯ.

Вся наша неустроенность отсюда.

Величье размывает суета...
И смуту наполненной, как светом,
Душе безумца не помочь советом.

ДВА ВЕНКА СОНЕТОВ (I и II)
из двух книг романа о ТЕЗЕЕ («Лабиринт, или Сказание
о Тезее» и «Тезей»).

IV

1.

Единство видит в отрицанье благо.
Вот нож – изволь себя перечеркнуть.
Извертится почище тела путь,
Каким прошел, и, как дурная брага,

Всплеснется память и к былому тяга.
Дорога безответная твоя –
Не на груди пригретая змея.
Свое дитя и нянчи, бедолага.

А нет... Ревнуя о бездушном брате,
Приличия забыв и стыд утратя,
Распахивай пустые закрома.

Иль целый мир стыди живую плотью,
Обряженный в словесные лохмотья.
Об этом понаписаны тома.

2.

Об этом понаписаны тома.
Какою правдой одарили тело?
Душа согреться разумом б хотела,
Но истины и книги – не дома.

Нет, я ценю возможности ума.
Но шатка всемогущая опора.
И что же неизменно – вечность спора?
Тогда она – дырявая сума.

Что зыбче – неуверенность иль вера?
А чьей-то жизни существует мера?
Иль мерою она себе сама?

Звезда или светильник у дороги?
И знают ли за небесами боги
О том, что значит свет и что есть тьма?

3.

О том, что значит свет и что есть тьма,
Любому знаний выделена норма.
Как памятнику, лей себе платформу.
Немного, но дается задарма.

Прости, сонет... И на манер дерьма
Плывешь, отведав этакого корма,
И человека принимаешь форму,

Уверовав в расхожие корма.

И как не верить – жизнь всего одна,
И мысль об отрезвленье холодна,
И что за ней...Познание – тоже наго.

Жалей меня – вскипает гордый нрав.
И вот на бедность в том, что каждый прав,
Нам как с печатью выдана бумага.

4.

Нам как с печатью выдана бумага.
Сама себе судьба свечу зажгла
И молится...Когда б она смогла
Почувствовать безумную отвагу.

Твори себе, пока есть время, сагу.
Мысль входит в небо мозга, как игла.
Так бы сорвался с тетивы угла.
Скажи себе: коль не сорвусь, то слягу.

Конечно, здравый смысл и вправду здрав.
Но прав ли тот, кто завтра будет прав?
Держись за борт – швыряет колымагу.

Ты завтра все понявшего простил,
Сегодня расплескав избыток сил.
О, благо опрометчивого шага.

5.

О, благо опрометчивого шага,
Открытое движение души.
Рисуй, а не чини карандаши.
Банально забиваться под корягу.

Для солнца золото намывает драга,
И в недрах человеческих нет глуши.
Прижала жизнь, а ты – перепляши.
Не полк раздолье мыслей, а - ватага.

Никто из нас не мясо для скелета.
Ты мыслишь – значит, честь твоя задета.
Все верно, раз грозят тебе грома.

Невольно закрываешься от света.
Считай, что не привык, - пройдет и это:
От совершенства не сойдешь с ума.

6.

От совершенства не сойдешь с ума.
Высокое переводит в обычай.
Пусть обойдутся, как война с добычей,
С тобою, разрази его чума.

Что для волков еще одна зима?
Судьба такая – тут не до приличий:
Кому она являет норы бычий,

Кому – придурковатая кума.

Приверженность к себе проста, как рана.
Начнешь лукавить – для самообмана
Словес нагородили терема.

Поддайся, измени своей природе,
И если даже тело на свободе –
Душа в себе замкнулась, как тюрьма.

7.

Душа в себе замкнулась, как тюрьма.
Что делать, у любви искать защиты?
Спаси меня, земная Афродита!
Хотя б посредством рабского клейма.

Пусть пена или некая кайма...
Бывает так, что даже пеной сыты,
И доводы ума, как снасти, смыты.
Глокает воду гибели корма.

Но нет, ты жив, и та же все страда,
И все – не зря, и все – не без следа,
И вирус совершенства – вроде флага.

И обострились, и ясней черты.
Все смылось для пустынной чистоты.
Любовь ушла – возрадуйся, бедняга.

8.

Любовь ушла – возрадуйся, бедняга.
Ведь все вокруг опять, как дважды два...
И не гуди, дурная голова.
Так громко голосит пустая фляга.

Живой водой живительная влага
Не станет, и бессильны все слова.
Не человек, а истина права?
Тогда ее ведите под присягу.

Слов много, да, должно быть, все в пути.
Так перетак...Грести тебе, грести,
Грести тебе до самого заката.

А впрочем...Чтоб словам найти места
И сквернословьем не пятнать уста,
Хотите текст для броского плаката?

9.

Хотите текст для броского плаката,
Не так живете, смертные, не так.
Не разберетесь – жизнь или пятак
Платить – и здесь, конечно, виноваты.

Что смотрите опять, как брат на брата?
Так нравится смотреть...Какой пустяк.
Как гвоздь в асфальт вбивает каждый шаг,
И - к ближнему сочувствие распято.

К высокому потянетесь опять –
Но где такую добродетель взять,
Чтоб было и питательно, и свято?

Платить пришел явившийся на свет,
Отлично сделал – только таксы нет:
За все неоговоренная плата.

10.

За все – неоговоренная плата.
Кто ведает, что надо запастись?
Да и куда расходы записать...
Я – из того, что потерял когда-то.

А кровь все так же греет свет заката.
Жизнь, как пожар, - не знаешь, что спасать.
Того, кем стал ты? Кем хотел бы стать?
А главное, как сохранить утраты?..

Минувшее, что завладело мною,
Блужданья, лица, тени – все родное.
И нет нужды мне что-то выбирать.

Разбитая, как есть, моя дорога
Важнее всей премудрости итога.
Когда бы жизнь в единый вдох вобрать...

11.

Когда бы жизнь в единый вдох вобрать
И унести с собою...Век за веком
слонялись по мыслительным аптекам
мечтатели...Двадцатый, и – опять...

А выясняли лишь, как трудно стать
Не кем-нибудь, а просто человеком.
И надо бы, но в затрудненье некоем
Мысль эта – будто белая тетрадь.

Их сон об очистительном огне
Из глубины веков пришел ко мне.
Что – только мысль, когда и дело надо.

Неправедно живут – себя поправь?
Сон этот в руку, только где же явь –
Когда б душа вскричала, свету рада.

12.

Когда б душа вскричала, свету рада...
Но ей все объясняли: не спеши,
Есть мировой закон и для души.
Подъем – иное продолженье спада.

Примеривая скромные наряды,
Противоречье копится в глуши.
Пойди его найди и разреши...

Потом оно выходит из засады.

Все громче, все неистовой трубя.
Потом снимает и само себя
То кровью, то величием парада.

И снова – тишь на свете, а в тиши
Дымятся и развалины души...
Спасибо, Гегель, за твою триаду.

13.

Спасибо, Гегель, за твою триаду.
Стремясь к добру, я поздно добрым стал,
Так, словно бы врасплох себя застал.
Я сжег свои мосты, но – сколько чада...

Благая мысль, возлюбленное чадо,
Тебя ли я, скажи, не одевал?
Идея-то – еще не идеал,
Про это нам и объяснять не надо.

Минуй меня словесные бряцанья
О сути отрицанья отрицанья.
О господи, не душу же смирать.

Мое первоприродное начало,
Когда б она в последний миг вскричала:
Я совершенна – можно умирать!

14.

Я совершенна – можно умирать...
Что с чем сравнимо?.. Самое святое
Исполнено великой простотою.
Такое только женщине под стать.

Туда и память продолжает звать,
Где дышит ночь зелено-золотою,
Невидимой за тьмою красотою
И слышится, как женщина опять

Вдруг скажет, все перевернув внутри:
«Так хорошо, что завтра хоть умри!».
И дарит жизнь – прижимистая скряга –

Миры тебе...Еще и потому,
Что миг счастливый предпочтен всему,
Единство видит в отрицанье благо.

15.

Единство видит в отрицанье благо.
Об этом понаписаны тома.
О том, что значит свет и что есть тьма,
Нам как с печатью выдана бумага.

О благо опрометчивого шага!
От совершенства не сойдешь с ума.

Душа в себе замкнулась, как тюрьма,
Любовь ушла – возрадуйся, бедняга.

Хотите текст для броского плаката:
За все – неоговоренная плата.
Когда бы жизнь в единый вдох вобрать.

Когда б душа вскричала, свету рада:
Спасибо, Гегель, за твою триаду,
Я совершенна – можно умирать!

V

1.

Любовь мирами движет, говорят.
А если так, представить бы могли вы,
Как, двинув время, некогда от взрыва
Страстей и чувств немислимый снаряд

Правещества распался. И – парят
Галактики. Луна и та игриво
Глядит с небес. Растрепанные гривы
Комет полощутся...Когда-то, говорят,

Любовники их бросили. Вот так,
Любовь еще и обжигать мастак.
Мне помнится, и я в молодые лета

О том же слышу: мол, везде она,
Всем движет и во всем заключена.
Что остается мне – я верю в это.

2.

Что остается мне – я верю в это.
Еще скажу: грядущему видней.
Любовь, любовь...Известно все о ней,
И необыкновенней нет секрета.

К грядущему ручонки чувств воздеты.
Но мал уклон в него текущих дней.
Чем жарче ночь, тем утро холодней.
И рвем цветы, да не сложить букета.

Настороженность душ, сближенье тел...
Из тех, с кем был, ты с каждой быть хотел.
И всякий раз вам случай всю планету

Сдавал опять...И некая жена
Вещала, в четверть силы лишь пьяна:
Ты не влюблен – прекрасная примета.

3.

Ты не влюблен – прекрасная примета.
Нельзя не верить. Всякий потому
И суеверен. Дали жизнь ему,
Чтоб он любил...Все в нем кричит про это.

Весна прохладна – жарким будет лето?
Однако вновь все сводится к тому,
Что вздох одна кладет в твою суму,

Крадет другая. Вот и квиты где-то...

Махнешь рукою: значит, так и надо.
Цени невольный вздох и вспышку взгляда.
Ты прав, живущий, раз не виноват.

Но вот уж привязались доброхоты:
«Ты не влюблен», - все время дразнит кто-то.
«Полюбишь, значит...Крепок сладкий яд».

4.

Полюбишь, значит... Крепок сладкий яд.
И мирозданье отразится в сыне.
И приобщит его к первопричине
Всего... Пускай, на заведенный лад.

«Ах, как смешно», - нам скептики твердят,
прибавив и диагноз на латыни.
Но опыту не запятнать святыни.
Движенья чувств мир одухотворят.

Так замышлялось все...Представьте сцену:
Из скопища вселенных, как из пены,
Любовь родится...Распахните взгляд.

Ворота тайн гвоздями звезд забиты?
Тем более, раз многое сокрыто,
Любовь священна и влюбленный свят.

5.

Любовь священна, и влюбленный свят.
Но каждому даровано ли право
Любимым быть? Не всех же видит слава.
Не всякий дожидается наград.

И что же, посреди земных услад
Ты принимаешь ласки как отраву?
Лишь строгий чист, все остальное – нравы,
В обычной жизни наши чувства спят?

Но эти встречи на распутьях дней:
Она к нему потянется, он к ней...
И что, во вспышке разве нету света?

А любящих...Я понимаю их,
И каждый избран более других,
Пока влюблен, пускай и без ответа.

6.

Пока влюблен, пускай и без ответа.
Но всякие бывают в жизни дни,
И все твои, как их ни помяни.
Есть избранные, кем любовь воспета.

Но чьи они, по вашему, поэты?
Да наши, наши, наши же они!
Строка, хотя бы ты соедини

Желанное с реальным и за это

Что хочешь, то и требуй, а пока
При свете ищет, как во тьме, рука
Другую руку, твоему завету

Верна. И если ощупью нашла,
Так почувствуй всплеск ответного тепла,
Отведай и от вкуса, и от цвета.

7.

Отведай и от вкуса, и от цвета
И чашу поднесенную испей,
Пылай, наполнись памятью, успеи.
Отыскивают, как замки, запреты.

Жизнь – словно нить, которая продета
Сквозь звезды всех влюбленностей, и в ней
Чем гуще страсти, тем она ясней.
Чего в ней нет, того в тебе и нету.

Живущий, что бы ни было, надейся
Возвысить чувства до священнодействия,
Узри лицо любви хотя б сквозь чад.

Пускай увидит, испытает это
И юноша, само дитя рассвета,
И путник, уходящий на закат.

8.

И путник, уходящий на закат...
Все видевшая женщина: «Любите, -
Сказала мне. – Иначе нет событий.
Я не могу – давно отцвел мой сад.

А вы любите, и не устоят
Красавицы»...В устроившемся быте
«Люби!» подчас звучит как «Помогите!».
В любви и души, как детей, растят.

Да, мы конечны. Но покуда живы,
Таятся в нас и страсти, и порывы,
Как жизнь иная в скорлупе яйца.

И все, чего так постоянно жаждем,
Незримо, смутно пребывает в каждом.
У чувства нет начала и конца.

9.

У чувства нет начала и конца.
Но вот в твою оно вселилось душу.
Порывы – эти шумные кликуши –
Сомкнулись наподобие кольца.

В который раз беглец поймал ловца.
Житейский гул и призрачней, и глуше.
Твоя душа, как и моря, и суша:
Все – контуры любимого лица.

Любовь твоя людской души крупица,
Но в вечном отразились лица.
Опять идет заклятие тельца.

И медленно, ты чувствуешь, на блюде
Всевремени и всепространства бьются
Вселенные, как чистые сердца.

10.

Вселенные, как чистые сердца.
И слышится бесхитрое пенье.
И всякий миг незримый акт творенья
Идет без духа, сына и отца.

Желание раскрыться до конца
Приобретает силу повеленья.
И тленье превращается в горенье,
И дурачок умнее мудреца.

Обречена ли быть домашней страсть?
И чувство, ощутив над миром власть,
Перетекает в сладостную муку.

Вот истина, и вот в каком вине.
Вселенные с тобою наравне
Пульсируют... Такая это штука...

11.

Ппульсируют... Такая это штука.
Вознесся ты, но на твоих горах
Вдруг рухнет все, подсказывает страх.
Страх – третья житейская наука.

А обещанья – слабая порука.
Порыв... Что он на таких ветрах
Случайностей, стечений! И – как в пах:
Простимся...да не жми так больно руку.

О господи, не больше ли, чем надо,
По младости во мне скопилось яда?
Вот и живешь, с самим собой борясь.

Влюбленные, что сделать бы могли вы,
Чтоб звезды не мерцали так пугливо.
Отлюбится, и рвется с ними связь.

12.

От любится, и рвется с ними связь.
Но ведь не отлюбил еще покуда.
Надежда, человеческое чудо,
Мое воображение раскрась.

Порой ругнешься, оступаясь в грязь.
Что из того – на счастье бьют посуду.
Давай твою затейливую ссуду,

Загадочной улыбкою змеясь.

А если все, как прежде, или – или
И договор не остается в силе,
Который подписала ты, смеясь,

Тогда, чему б себя ни посвятили,
Твои огни зачем бы ни светили,
Они горят, чужими становясь.

13.

Они горят, чужими становясь,
Поскольку так случилось в самом деле.
Любовь ушла, оставив душу в теле.
И рассуждений призрачная вязь

Разрушилась, и ты кричишь, зайдясь,
Зачем тогда душа, она без хмеля
Теперь не может? Надо ей, чтоб пели.
Ее искали, и она нашлась.

Превратности судьбы, спросить бы вас,
К примеру, сколько мук вмещает час
И сколько длится вечная разлука?

Сердца вселенных над тобой опять
Окаменели, двинув время вспять.
Кто ты теперь, не слышащий их стука?

14.

Кто ты теперь, не слышащий их стука?
Что думаешь о множестве миров?
О смысле жизни и о тайне слов?
Еще в тебе какая закорюка?

Что истина? Пофилософствуй, ну-ка,
Сними с нее, затворницы, покров.
Про личность рассуждаешь?...Будь здоров,
Коль про твою, то это, братец, скука.

Поблекло все – ни запаха, ни вкуса
В сужденьях даже древнего индуса.
Слова все, разговоры – так-то, брат.

А знаешь ли, секрета я не выдам,
мыслители давно с серьезным видом –
любовь мирами движет, говорят.

15.

Любовь мирами движет, говорят.
Что остается мне – я верю в это.
Ты не влюблен - прекрасная примета:
Полюбишь, значит...Крепок сладкий яд.

Любовь священна, и влюбленный свят,
Пока влюблен, пускай и без ответа.
Отведай и от вкуса, и от цвета
и путник, уходящий на закат.

У чувства нет начала и конца.
Вселенные, как чистые сердца,
Пulsируют...Но вот какая штука.

Отлюбится, и рвется с ними связь.
Они горят, чужими становясь.
Кто ты теперь, не слышащий их стука?

МИСТИЧЕСКИЙ ВЕНОК

1

Растерянный стою перед собой.
Глаза закрой - и жалкие сирены
Гудят, гудят, гудят... и словно пена,
Безмыслие сомкнулось над тобой.

И тем, кто ты еще... Трубят отбой?
Так почему не вырваться из плена?
И стоило платить такую цену
За вымысел, рожденный на убой?

Я на себя или в себя смотрю?
Иду-бреду. вопросами сорю
И грежу о каком-то древнем даре.

Самотворим? Исчисленный иным
Создателем и разлученный с ним?
Какая тайна скрыта в этой твари?

2.

Какая тайна скрыта в этой твари?
Во мне самом... А если тайны нет?
Тогда зачем являться мне на свет
В такой весьма несовершенной таре?

Расслабленный всегда в земном угаре,
Подверженный болезням и страстям .

И что же? Перебесимся, а там —
Конец всему? Кричи, как на пожаре.

Блуждаю в заколдованном кругу.
Я быть собой без тайны не могу.
Вот где подвох... Он, словно гниль в товаре.

Мне тайна эта древняя нужна.
В крошечной тьме погружена она.
Прозрачны с ней мы в нашей вечной сваре.

3.

Прозрачны с ней мы в этой вечной сваре.
Как с женщиной, где все как на духу.
На небесах, в решальне, наверху
Предписано нам пребыванье в паре.

Освоишься когда-нибудь?.. Едва ли.
Что в этой бездне с кожей, словно мед?
Кто сущность женщин до конца поймет...
Смешно сказать - распят на идеале.

Одно лишь побужденье на примете.
И в сущности, доверчивые дети —
желания, спешащие гурьбой.

Вдвоем понятны и теплу, и свету
в избытке чувств... И несмотря на это,
Повязанные темною судьбой.

4.

Повязанные темною судьбой,..
Платили дань надуманным вопросам.
Я по пространствам и годам разбросан.
Привычками пришпилен, как скобой.

Все время занят якобы борьбой.
Но - снова в стоге отыщу иголку:
Все "я" мои — забытые осколки —
Засветятся, чтоб стал самим собой.

И молнией все, что рядом, стерто.
И космосы над мигом распростерты.
Былое, как период голубой.

Нет смерти... В этом мире не прибуден,
Я был привязан и к вещам, и к людям.
Что скрыто за подробностью любой?

5.

Что скрыто за подробностью любой?
Мы дети нескончаемого спора.
Не больше ли здесь самоговора
С его гуманитарной ворожкой...

Капризно время поведет губой:
Ах, это "я", разбитое на крохи.
Что нового - зациклиться на вздохе
И кончить заурядною гульбой.

Все может быть, старуха, а пока
Я вырываюсь на простор венка.
Мне тесно в этом мире, как в подвале.

На миг земные бросив чудеса,
Я снова возвращаюсь в небеса.
Какие голоса опять позвали?

6.

Какие голоса опять позвали?
Иных законов отзвуки они.
Законы эти чувствам лишь сродни,
Что, раз взорвавшись, мир образовали.

Стою открытый, как на перевале.
Пленяй меня, нездешняя краса.
По-женски заструились голоса.
Вели меня, но не повелевали.

И вскрикнул я, и соскользнул с холма
Поющего. Казалось, жизнь сама
Внимала пенью, всматриваясь в дали.

Наш мир, он тоже сам в себя упал.
И рухнув, снова этой жизнью стал.
Черт ногу сломит — все, как на развале.

7.

Черт ногу сломит — все, как на развале.
Умолк за нереальной гранью хор.
Мир был расколот — как попасть в зазор?
Я помещался в этом интервале.

Я слушал, я внимал, но нас прервали.
Нет, все — во мне: и взлеты, и распад.
Меж тем и здешним сам в себе распят.
Порыв развеян — не доколдовали.

Произнесите сокровенным слово.
Идущий в неизвестность, вы готовы?
Акт сотворенья не решить мольбой.

Но стоит выпасть из житейской рамы —
Смысл вспыхнет, словно лик прекрасной дамы...
И дальше — снова тьма перед тобой.

8.

И дальше — снова тьма перед тобой.
Раскаты чувства опустились в схему.
Скользнула в быт великая богема.
В обыденность с его смешной божбой.

Где, как однообразною резьбой,
Подскоки чувств обозначают "ахи".
Мучительно движение во прахе.
Себя я оставляю за собой.

Как хочется перевернуть минуту
И вырваться в мою былую смуту
Из торжества обыденного зла.

Туда, где по кускам пространство губят,
Где, взвившись, словно сабли, время рубят.
В воображеньи женские тела.

9.

В воображеньи женские тела,
Обретшие земную форму души...
Хмельной, я этот образ не разрушу
И таинства, что с ним меня свела.

Гармонии златые купола
В реальность обратил однажды Гений.
И рядом с ними— вроде приведений
Людские побужденья и дела.

Там, где судьбы неведомая сила
Во тьме сомнений, что меня накрыла,
Проглянет, словно птица из дупла.

И завершеньем тяжкого союза,
Не разберешь, богини или музы
Засветятся, сжигая все дотла.

10.

Засветятся, сжигая все дотла.
И нет путей —ты попадаешь сразу
В любую цель. Ни просьбы, ни приказы
Не действуют. Тебя перенесла

В пространства эта сила, из числа
Духовных рвений, внутреннего дела.

Преполено, всереально и всецело,
Где бесконечность форму обрела.

Быть может, красота, — как вечный суд.
Привязчивей всего желанный труд.
Войди в определенье —тяжесть света.

Смотри, прекрасна полная луна.
Но, чувствуешь — тебя гнетет она.
Ты беспокоен, что сказать на это.

11.

Ты беспокоен, что сказать на это.
Есть основанья, но поговорим:
Естественный порыв неповторим.
Как полнота собой живого цвета.

Все изначально призваны в поэты.
Что к небу подбираться, словно тать.
Бессмертным здесь необходимо стать.

Прости, конечно немощны советы.

И душу облегчить — не то лечение.
Стереотипны наши увлечения
И речи погорластее гусынь.

Что просто так стучаться в эти двери,
Когда не тверд в гуманитарной вере.
Да, ты чего-то стоишь, но остынь.

12

Да, ты чего-то стоишь, но остынь.
Томительно так и блуждать по кругу,
Искать в мечтах творимую подругу
Из сонма своенравных берегинь.

Чем ты владеешь, чтоб прельщать богинь,
Смеющихся, за каждым чувством скрытых.
Про них нам поясняли эрудиты.
Ах, птичьим пенем вспененная высь...

В дорогу эрудицией самой
Был собран — все же не трясина сумой
Священной и себя не опрокинь.

Виденья наши выношены, чтобы
Не сбиться на распутьях, но попробуй
Освоиться среди своих святынь.

Освоиться среди своих святынь...
А там, куда потом придем, сумеем
Осуществить все, что в себе имеем.
Где память населит ландшафт пустынь

Теперешних. И взор куда ни кинь,
Для каждого свой мир себя раскроет.
И если некто рядом свой пристроит,
Мешая вам, — плечом его подвинь.

Будь призрачным, оденься снова в плоть,
Будь тем и этим, да ничем будь хоть...
Сады, селенья, острова, планеты —

Плоды рассвобожленного ума...
Где в нас светильник, где во мне тюрьма?
Запрос из не имеющих ответа.

Запрос из не имеющих ответа.
И все ж, порассуждаем... Например,
Ты занят самостроем, высших сфер
Еще лишенный — впереди все это.

Или обратно из иного света
Вернешься кем-то в старый, чтобы вновь
Пройти земные горечь и любовь...
Здесь пальцы обожгла мне сигарета.

И давят, давят, давят те же стены.
В мозгу гудит нездешняя сирена,
Как дальний и загадочный прибор.

Урок понятен мне, но не усвоен.
На том же месте и опять раздвоен
Растерянный стою перед собой.

15

Растерянный, стою перед собой.
Какая тайна скрыта в этой твари?
Прозрачны с ней мы в нашей вечной сваре,
Повязанные темною судьбой.

Что скрыто за подробностью любой?
Какие голоса опять позвали?
Черт ногу сломит — все, как — на развале.
И дальше — снова тьма перед тобой.

В воображеньи женские тела
Засветятся, сжигая все дотла.
Ты беспокоен — что сказать на это.

Да, ты чего-то стоишь, но остынь.
Освоиться среди своих святынь —
Запрос из не имеющих ответа.

1998 – 2001

ШЕСТЬ ВЕНКОВ СОНЕТОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДНИЙ ВЕНОК.....	2
ВОСТОЧНЫЙ ВЕНОК	12
ТРЕТИЙ ВЕНОК.....	22
ДВА ВЕНКА СОНЕТОВ.....	33
из двух книг романа о ТЕЗЕЕ	33
IV.....	33
V.....	44
МИСТИЧЕСКИЙ ВЕНОК.....	55